

ПУТЕШЕСТВИЕ В «АНТИЧНОСТЬ» В ЛИРИКЕ Б. ПОПЛАВСКОГО И О. МАНДЕЛЬШТАМА

Высоцкая Мария Игоревна

аспирант Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

masha208889@gmail.com

ORCID: 0009-0006-6852-3205

Аннотация. Предметом исследования в статье является феномен воображаемого путешествия в лирике Б. Поплавского и О. Мандельштама. Отдельные уникальные явления, реализующиеся на уровне поэтической семантики в лирике данных авторов, требуют углубленного изучения. Путешествие представляется достаточно частотным мотивом для русской литературы, который развивается как в прозаических, так и в стихотворных текстах. Литературные путешествия как отдельное явление со своими структурно-семантическими особенностями отличаются разнообразием. В статье рассматриваются варианты реализации воображаемого путешествия лирическими субъектами Поплавского и Мандельштама. Несмотря на общность маршрутов, восходящих к одной культурной традиции, выявляются существенные различия в характере перемещения лирических субъектов между реальностями. Устанавливается, что путешествие в ирреальное пространство античности имеет в текстах Мандельштама вполне реальную мотивировку, тогда как лирический субъект Поплавского осуществляет перемещение в иную реальность спонтанно, независимо от внешних обстоятельств. Если у Мандельштама в рамках отдельного стихотворения воображаемая реальность является однородной, то подобное же античное пространство у Поплавского оказывается гетерогенным, выступает лишь частью более широкой реальности, насыщенной культурными и литературными кодами. Обнаруженные в ходе исследования отличия между воображаемыми путешествиями также позволяют охарактеризовать состояние лирического субъекта в текстах изучаемых авторов. Лирическим субъектом движет стремление вписать себя в новую реальность, что актуализирует проблему самоидентификации. Лирический субъект Поплавского при совершении путешествия постоянно трансформируется, теряя соотнесенность с действительностью, тогда как лирический субъект Мандельштама сохраняет связь с биографическим автором.

Ключевые слова: Б. Поплавский, О. Мандельштам, воображаемое путешествие, античность, лирический субъект

На русскую культуру начала XX в., как неоднократно отмечалось многими исследователями, большое влияние оказала античность. Как разворачивается античная тема в русской поэзии начала XX в. подробно изучал М.Л. Гаспаров [Гаспаров 1995а]. О противостоянии аполлонического и дionисийского начал в русской литературной и философской мысли рассуждал В.Н. Топоров, отмечая, что связь «с драгоценным наследием эллинской античности» поддерживается в русской литературе на протяжении трех веков благодаря явлению «петербургского» аполлинизма, активно развивающемуся в первую треть века [Топоров: 236]. Использование мотивного комплекса, связанного с образом Аполлона, согласно В.Н. Топорову, способствовало обращению авторов к другим сюжетам и образам античного мира.

Представляется интересным провести сопоставительный анализ одного из способов реализации античной темы в лирике О. Мандельштама и Б. Поплавского. Отметим, что ранее спорадически сравнивались исследователями лишь отдельные явления в творчестве Мандельштама и Поплавского. Так, В. Хазан отметил, что Поплавский «чутко прислушивался к поэтическому голосу Мандельштама» [Хазан: 365]. Г. Адамович в одной из своих статей, посвященных О. Мандельштаму, заметил:

«Мандельштам был одним из двух самых исключительных поэтических натур, каких пришлось

мне знать. Вторым был Борис Поплавский ... Одаренность Поплавского была, пожалуй, даже щедрее мандельштамовской, хотя у него отсутствовала мандельштамовская игольчатая острота и точность в суждениях. Она неслась потоком, захлестывала, увлекала, она то приводила к легковесным, наспех выдуманным декларациям, то к догадкам, которые действительно, взвешивая слова, хотелось определить как прозрения» [Адамович: 96].

Наше исследование сосредоточено на изучении особенностей феномена воображаемого путешествия. Стоит отметить, что сама формула «воображаемые путешествия» не использовалась в литературе до XX в. Под «воображаемым путешествием» нами вслед за А.А. Фаустовым понимается перемещение внутритекстового субъекта в ту или иную гетеротопию, совершаемое при помощи воображения (или в воображении) [Фаустов 2013: 246]. Обнаруживаются три устойчивых маршрута воображаемых путешествий: путешествие вслед за теми, кто совершает «настоящее» путешествие; путешествие по фикциональной реальности; путешествие в биографическое и культурно-историческое прошлое. В XX в. границы между воображаемым и реальным во многом исчезают, вместе с сигналами, призванными раскрыть «нереальность» происходящего. Сюжеты могут переключаться из одной хронологической системы в другую, что усиливает ощущение запутанности и хаотичности происходяще-

го, а воображаемое пространство обретает особую осязаемость.

Нами были обнаружены схождения и расхождения маршрутов, выбранных лирическими субъектами Мандельштама и Поплавского. Интересным представляется сопоставить один конкретный «опыт путешествия» в творчестве поэтов, восходящий к давней культурной традиции, – путешествие в античность.

Лирический субъект Поплавского пребывает в достаточно неустойчивом положении, поскольку существует в мире, границы которого часто колеблются. Постоянная череда трансформаций лирического субъекта и окружающей его реальности вызывает желание обнаружить в существующем хаосе некую определенность, что, в свою очередь, способствует активному выходу лирического субъекта за границы действительности в поисках точки опоры. Маршруты таких путешествий могут быть достаточно разнообразными, но некоторые из них связаны с перемещением в реальность, где сопрягаются литературные и культурные явления. В частности, осуществляя движение по одному из таких литературных маршрутов, лирический субъект Поплавского переносится в Трои. «Троянской» теме Поплавский посвящает отдельно три текста, объединенные заголовком «Елена – Alias – Дендритис, Покровительница Родоса. Посвящение в трех вариантах». В каждом из текстов описывает-

ся ситуация перемещения лирического субъекта из одной реальности в другую.

В стихотворении «Пришла в кафе прекрасная Елена» [Поплавский 2009а: 126], события начинают разворачиваться в пространстве действительности. Лирический субъект находится в кафе (достаточно распространенный в условиях эмигрантского существования локус, важный и для поэзии Поплавского), когда происходит вторжение другого субъекта, явно не принадлежащего искомой реальности: «Пришла в кафе прекрасная Елена, / Я нем; все неподвижны...» [Там же: 126]. Люди, относящиеся к пространству реального мира, как и лирический субъект, впадают в оцепенение, что не характерно для реальности Поплавского, постоянно находящейся в динамическом, меняющемся состоянии. Елена своим появлением нарушает сложившийся в действительности порядок вещей и тем самым преодолевает собственное «неподвижное» положение, покидая небытие, в котором находилась («Елена, ты встряхнула мертвый сон, / Воскресла Ты из небытия тлена» [Там же: 126]).

Переход из небытия в реальный мир устойчиво ассоциируется с обретением второй жизни. Прикосновение к Елене, принадлежащей другому пространству («Я с подозрением поцеловал висок / Но крепок он. Но он не знает тлена» [Там же: 126]), запускает механизм постепенного перехода в иную реальность. Сначала меняется аудиальное

восприятие («Но чу! Оружие стакану в унисон»), затем – визуальное («Смотрю кругом: не дрогнула осада» [Там же: 126]), и вместе с этим претерпевают изменение временные и пространственные координаты, определяющие действительность («Вздыхаю стул; но вдруг проходит год...» [Там же: 126]). Лирический субъект совершает перемещение в реальность Елены, начиная ощущать себя частью вымышленного мира: «О Троя что ж погибнет Ахиллес / Но вот Улисс; он в хитру лошадь влез / Иду за ней, хоть умирать досада» [Там же: 126].

В другом тексте задается определенный вектор движения лирического субъекта, перемещающегося в вымышленную реальность: «Как Фауст я спустившись в бывший мир / Нашел Елену той же не иною» [Поплавский 2023: 251]. С одной стороны, лирический субъект сопоставляет путь, который проходит Фауст, со своим собственным путешествием, тем самым расширяя границы, в которых существует троянский миф, и включая Троию в более широкую реальность. С другой стороны, лирический субъект признает, что мир, в который он перемещается, не является настоящим (и будто бы замкнут на одном субъекте – вероятно, самой Елене): «И уж готов Троянскою войною / Смутить души эпистолярный мир» [Там же: 251]. Лирическим субъектом совершаются достаточно активные действия, определяющие ход Троянской войны: «Но в стане неподвижен командир /

Но вот он встал: сражен Патрокл мною» [Там же: 251].

При этом нельзя сказать, что лирический субъект сопоставляет себя с конкретным участником событий, – скорее, он принимает на себя роль творца, обладающего властью над «эпистолярной» реальностью и способного повлиять на события. Елена же представляется схожей с лирическим субъектом по силе и возможности влияния на происходящее в ирреальном пространстве: «Елена Ты пленившая Тезея / Покинь пергамент выйди из музея / И дружескую кровь остави» [Там же: 251]. Но, для того чтобы она смогла прекратить происходящие события, Елене, видимо, необходимо воспринимать «троянскую» реальность как подлинную (лирический субъект призывает ее «покинуть пергамент»). Сам же лирический субъект постепенно утрачивает свое прежнее положение, становясь непосредственной частью воображаемого мира: «Но конь судьбы уже подкачен к двери / Я выхожу в богов упорно веря...» [Там же: 251].

Третий текст, являющийся своеобразным завершением цикла, начинается с обращения к Елене, чье существование не ставится под сомнение и не подвергается временным ограничениям: «Парис и Фауст; Менелас, Тезей / И все им современные цари / Тебя ль не знают, что ж и днесь цари» [Поплавский 2009а: 437]. Путешествие в Троию в этом тексте иницируется лирическим субъектом, причем

для перемещения в иное пространство требуются некоторые заклинательные действия: «О разомкнись, пергамент и музей» [Там же: 437]. Лирическим субъектом достаточно быстро осуществляется собственная идентификация в пространстве Трои: «Я поступаю в армию. Смотри / Вот! Троя вот! И сколько в ней друзей» [Там же: 437]. Сама же Елена обретает в данной версии явный божественный статус: «Но Ты повешенная над землей пари» [Там же: 437] (что, возможно, отсылает к древним преданиям, согласно которым Елена выступает в роли богини плодородия). Лирическим субъектом демонстрируется готовность остаться в иной реальности ради возможности существования в мире, где присутствует Елена («Твои глаза за всю мою судьбу...» [Там же: 437]), видимо, являющаяся условием, обеспечивающим целостность и определенность бытия.

Мандельштам известен как поэт, свободно путешествующий во времени: в его лирике античность переплетается с современностью, древние цивилизации переживают события будущего и наоборот. Согласно мнению исследователей особенностей поэтики Мандельштама, «вместо традиционной синтаксической сцепки Мандельштам ... предлагает композицию, освобожденную от времени: "...связанные между собой явления образуют как бы веер, створки которого можно развернуть во времени, но в то же время он поддается умопостигаемому свертыванию»

[Генис: 311–329], что способствует особой анахроничности.

Путешествие в Трою предпринимает и лирический субъект Мандельштама в стихотворении «За то, что я руки твои не сумел удержать...» [Мандельштам 1922: 72], входящем в поэтический сборник "Tristia". Оно относится к периоду творчества поэта, характеризующемуся постоянным изменением состояний предметного мира, отступлением от четкости форм, общим ощущением неустойчивости. Текст начинается с обращения лирического субъекта к некоему женскому образу: «За то, что я руки твои не сумел удержать, / За то, что я предал соленые нежные губы» [Там же: 72]. Лирический субъект уже оказывается помещен в пространство, формально отсылающее к городу Трое: «Я должен рассвета в дремучем акрополе ждать» [Там же: 72]. Однако уже в первых строках появляются знаки того, что данная реальность не вполне отвечает сложившимся представлениям о Трое как о каменном городе («Как я ненавижу пахучие древние срубы» [Там же: 72]). Дальнейшая актуализация «деревянных» образов («Зубчатыми пилами в стены вгрызаются крепко»; «И чувствует город свои деревянные ребра» [Там же: 72]) только усиливает ощущение нестабильности того мира, где находится лирический субъект. Сквозь ирреальное пространство Трои как будто бы проглядывает вполне реальное пространство действительности («деревянная» Москва и петербургский Дом

искусств – «дремучий акрополь» [Москвин: 27–47]). Определенные вопросы вызывает описание осады Трои, включающее в видении лирического субъекта штурм города: «Но хлынула к лестницам кровь и на приступ пошла»; «И падают стрелы сухим деревянным дождем» [Мандельштам 1922: 72] (который не требовался, поскольку греки проникли в Трою посредством военной хитрости). Приход утра в последней строфе связывается с пробуждением от «долгого сна», что, вероятно, говорит о возвращении лирического субъекта в реальность.

Если обратиться к комментариям исследователей, то объяснение неустойчивым фрагментам «тройанской» реальности кроется в биографии поэта (и в ранней, более тесно с ней связанной редакции стихотворения). В тексте Мандельштама наблюдается пересечение двух реальностей. Биографическое событие кодируется и становится неузнаваемым. Своеобразный механизм метаморфоз, работа которого приводит к наложению одной реальности на другую и провоцирует последующие колебания между ними, запускается случившимся на деле. Как показал М.Л. Гаспаров, «ключом» к глубинной интенции стихотворения, намеренно «отброшенным» автором, являются события, произошедшие в действительности: стихотворение было адресовано Ольге Арбениной и воплотило в себе тему разрыва отношений между ней и Мандельштамом [Гаспаров 1995б: 104–115].

Путешествие лирического субъекта в тексте Мандельштама является следствием вполне конкретных действий, совершенных в реальном мире: «За то, что я предал соленые нежные губы, / Я должен рассвета в дремучем акрополе ждать. / Как я ненавижу пахучие, древние срубы!» [Мандельштам 1922: 72]. Неназванный женский образ, который предаёт лирический субъект, предельно осязаем: «За то, что я руки твои не сумел удержать, / За то, что я предал соленые нежные губы...» [Там же: 72]. Однако в дальнейшем в тексте наблюдается изменение фактуры данного образа: вместо влажных губ возникают образы, связанные с сухостью, одревеснением, метаморфозы начинают охватывать все ирреальное пространство: «Еще в древесину горячий топор не врезался», «И падают стрелы сухим деревянным дождем» [Там же: 72]. Лирический субъект оказывается в мире, обреченном на гибель. По словам А.А. Фаустова, характер подобного путешествия лирического субъекта можно описать как попадание в «экзистенциальное поле, предметной проекцией которого является область небытия» [Фаустов 1994: 74].

Можно заметить (вслед за исследователями), что античное пространство, воссоздаваемое в текстах Мандельштама, часто имеет черты, указывающие на его неподлинность: происходит отождествление Колхиды и Тавриды, Одиссей отправляется в плавание, чтобы добыть золотое руно («Золотое руно,

где же ты, золотое руно? / Всю дорогу шумели морские тяжелые волны, / И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно, / Одиссей возвратился, пространством и временем полный» [Мандельштам 1922: 32]). Подобное явление Мандельштам назвал «глоссолалией фактов»: «Соединив несоединимое, Дант изменил структуру времени, а может быть, и наоборот: вынужден был пойти на глоссолалию фактов, на синхронизм разорванных веками событий, имен и преданий именно потому, что слышал обертона времени» [Мандельштам 2020а: 171].

Ю.И. Левин подчеркивал, что Мандельштам намеренно делает искаженное пространство античности частью собственного художественного мира, сочетая события, происходящие в несуществующем пространстве, с событиями, относящимися к плоскости действительности [Левин: 77–103]. Смещение пространственных и временных координат открыто декларируется, к примеру, в стихотворении «Декабрист»: «Все перепуталось, и некому сказать, / Что, постепенно холодея, / Все перепуталось, и сладко повторять: / Россия, Лета, Лорелея» [Мандельштам 1922: 26]. Сопряжение разных культурных эпох мотивируется колеблющимся состоянием современного поэту мира.

Согласно М.Л. Гаспарову, Мандельштам – «поэт, остро чувствующий пространство и враждебно сопротивляющийся времени» [Гаспаров 1996: 93]. У Мандельштама услов-

ность происходящего распознается благодаря наличию анахронизмов. У Поплавского же после попадания лирического субъекта в другой, воображаемый мир указания на то, что покинутое лирическим субъектом реальное пространство являлось подлинным, целиком отсутствуют.

Обратим внимание и на различия в определении временных и пространственных рамок. Если у Мандельштама основное действие разворачивается в рамках одной ночи (но, как уже было установлено, сам образ Трои представлен достаточно условно), то у Поплавского время рассинхронизировано (в действительности проходит миг, в мире Елены – год), а пространственные координаты существенно расширены. В реальности, где находится Троя, с которой постепенно начинает соотносить свое существование лирический субъект, обнаруживается присутствие и других «жителей» литературного мира, не вписывающихся во временные и пространственные рамки троянской действительности.

Так, в одном пространстве находятся Парис, Менелай, Ахилл, Патрокл – представители троянского мифа; Фауст (с которым сопряжена тема творца), Гете и Гомер, которые, по мнению лирического субъекта, тоже являются служителями Елены. Сопрягаются разные литературные эпохи, текстовая реальность и действительность. Если у Мандельштама содержатся в тексте намеки на наличие реального мира, события в котором

явились катализатором сюжета, то у Поплавского изначально все сосуществует вместе (ср.: «Молча смотрят в небо корибанты, / Устрашась рожденья стольких звезд. / Там среди отверженных Исусом / Юный Гамлет грезит у пруда / И над ним, лаская волос русский, / Ждет Русалка Страшного Суда» [Поплавский 2009а: 272]).

Сама Елена в тексте Поплавского – образ вполне осязаемый («нашел Елену», «поцеловал висок», «твой глаза»), претерпевающий статусную трансформацию: из простой смертной – в божество. Елена становится своеобразным центром, вокруг которого сосредотачивается ирреальное бытие во всей его многослойности. По предположению К.В. Бурмистрова, стремление Поплавского объединить в ирреальном пространстве представителей разных эпох может быть объяснено влиянием каббалистических идей, согласно которым возвращение в «царство Божества» возможно в результате преодоления несовершенства мироздания, выражающегося в разорванности связей между сферами жизни [Бурмистров: 296–297].

Подобная гетерогенность наблюдается еще в одном тексте Поплавского – в стихотворении “Diabolique”, где также присутствуют субъекты, относящиеся к античному пространству. В этом стихотворении лирическим субъектом описывается ирреальное бытие: «Хохотали люди у колонны, / Где луна стояла в позе странной ... И возили на воз-

ках скелеты / Оранжеды и оранжереи» [Поплавский 2009а: 179]. Реальность, в которой оказывается лирический субъект, охвачена процессом постепенного высыхания / засушивания: «И в прекрасной нисходящей гамме / Жар храпел на мостовой, на брюхе ... Злились люди и, не загорая, / Отдавались медленно удушью. / К вечеру пришла жара вторая, / Третью к ночи ожидали души» [Там же: 179]. Однако ее состояние меняется с приходом сумерек: «Но желанный сумрак лиловатый / Отомкнул умы, разнял уста ... И в лиловой ауре-ауре ... Вышла в небо Лаура Лаура» [Там же: 179].

Мир, где вели совместное существование люди и скелеты, расширяет свои границы: «Глухо били черные литавры / Хор эриний в бездне отвечал, / А июль, как Фауст на кентавре, / Мертвый жар во мраке расточал» [Там же: 179], – и в него проникают кажущиеся знакомыми фигуры: «Над вокзалом возникает глухо: / Королева ужасов Елена. / А за нею Аполлоны Трои, / С золотыми птицами в руках» [Там же: 180]. Появление Елены в этом тексте обуславливает исчезновение засухи, являющейся одной из устойчивых характеристик реальности, и приносит в мир воду, как будто обеспечивающую продолжение его существования: «Колыхался туч чернильных вал, / И последней фразой, играя, / Гром упал на черный арсенал ... Как на раковине розовой она, / Показалась нам спокойно спящей / Пеною на золотых волнах» [Там же: 180].

Со стихотворением “Diabolique” коррелирует стихотворение “Angelique”. В отличие от жаркого и засушливого осеннего / летнего мира в первом из них, лирический субъект оказывается здесь в реальности, закованной в лед: «Солнце гладит прозрачные льды. / Спит лицо восходящей зимы ... Нежный мир пребывает во льду / Спит с полярной звездой на лбу» [Там же: 215]). В «ледяном» пространстве все находится в сонном оцепенении («Но совсем на другой стороне / Сам себя видит отрок во сне» [Там же: 215]). Спящему «отроку» в тексте предоставляется возможность увидеть другую реальность: «Дом любви видит призрак в стекле, / Металлических птиц в хрустале, / Пароход на зеленой скале, / Аполлона, что спит в земле» [Там же: 215].

Структура мира выстраивается на оппозиции «верха» и «низа». «Верхнее» пространство, замурованное во льдах, оказывается местом, где находятся «призраки»: «А над ними, на хорах, в тюрьме, / Ряд иной проплывает во тьме – / Удивительных спящих лиц, / Не глядевших, не павших ниц» [Там же: 215]. «Подземная» реальность представляется более оживленной («Но поет граммофон под землей, / Дева ходит в реке ледяной, / И над крышами дворцов и дач / Пролетает футбольный мяч» [Там же: 215]), в чем-то соответствующей действительности («Этот мир – фиолетовый блеск, / Страшный рев отлетающих звезд, / Дикий шик опереточных див, / Возвращающийся мотив» [Там же: 215–216]).

Однако в этой двойной структуре появляется еще и третья, промежуточная реальность, о которой упоминает лирический субъект: «Но меж ними волшебство и дождь, / Слой безумный, там адова дочь, / Отвратительный прекрасный цирк, / Где танцовщицы и мертвецы» [Там же: 216]. И это пространство, находящееся между реальностями, может к тому же влиять на них («И проходит процессия душ / Под мечтательный уличный душ» [Там же: 216]).

У Мандельштама конечность ирреального пространства, его движение к исчезновению связано с представлениями об одеревенении мира, о его удушливости, тогда как у Поплавского инобытие представлено чаще всего связанным с водным / подводным пространством, столь же живым, сколь и действительность, из которой перемещается лирический субъект.

Если посмотреть на пространство действительности, из которого у Поплавского прибывает лирический субъект, можно заметить одну особенность его размещения в земной реальности – тяготение к нахождению в «углу»: «Холодно зимою возвращаться, / Снова дня пустого не вернуть, / Хочется в углу ко тьме прижаться»; «Скрыться в снег. Спасти от грубых взглядов. / Жизнь во мраке скоротать, в углу. / Отдохнуть от ледяного ада / Страшных глаз, прикованных ко злу» [Там же: 269]. Согласно Г. Башляру, «кто одержим грезами углов, закоулков и щелей,

тот не знает пустых пространств, для него диалектика наполненности и пустоты всего лишь соответствует двум геометрическим ирреальностям. Функция обитания соединяет наполненность и пустоту. Живое существо заполняет пустоту убежища ... Все углы населены, хотя бы призраками» [Башляр: 69]. Сам же Поплавский в своих дневниках развивает следующую мысль:

«Когда душа это замечает, она понимает, что умирает постоянно, что постоянно теряет себя, оставляет себя навсегда на каких-то углах, над которыми над ядовитой зеленой аллей плыли весенние облака, и как будто в ад скользили, посвистывая, автомобили. Спасти себя хочет она тогда, и стихи, как слезы, рождаются от жалости к себе, постоянно исчезающему и умирающему. Души чувствуют иногда, что вот что-то с ними происходит, что они переживают на углах что-то бесконечно ценное, но что именно – сказать не могут; причем иногда с силой физического припадка происходят некие состояния особого содержательного волнения, бесконечно сладостного» [Поплавский 2009б: 420].

«Угловое» расположение лирического субъекта способствует его перемещению в другие пространства и попытке обретения себя в иной реальности: «Раздваивается на углу прохожий, / Растраивается на другом углу ... Я с улицы приоткрываю дверь / И снова вижу улицу за дверью. / Была ли жизнь? Была; их было две» [Поплавский 2009а: 153].

Таким образом, смешение реальностей не является для текстов Поплавского исключительным событием, непременно мотивированным извне. Путешествие в пространство, наполненное античными образами, представляет собой один из множества альтернативных маршрутов, которые уводят лирического субъекта из мира действительности. Зыбкость границ у Поплавского оказывается вполне естественной вещью. Если лирический субъект Мандельштама определенным образом соотносится с биографическим автором, то в стихотворениях Поплавского скорее наблюдается смещение в сторону ролевой лирики. Эксперименты с чередой бесконечных превращений лирического субъекта говорят о дистанцированности биографического «я» и весьма условной его идентификации с субъектом, функционирующим в художественной реальности.

Литература

Адамович, Г.В. Несколько слов о Мандельштаме // Воздушные пути. 1961. № 2. С. 87–101.

Башляр, Г. Избранное: Поэтика пространства / пер. с франц. М.В. Кисловой, Г.В. Волковой, М.Ю. Михеевым. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.

Бурмистров, К.В. В поисках Зефиреи: Заметки о каббале и «тайных науках» в русской культуре первой трети XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2024.

Гаспаров, М.Л. Античность в русской поэзии начала XX века. Genova, Piza: ECIG, 1995.

Гаспаров, М.Л. «За то, что я руки твои...» – стихотворение с отброшенным ключом // Мандельштам и античность: сб. ст. / под ред. О.А. Лекманова. М.: Мандельштамовское общество, 1995. С. 104–115.

Гаспаров, М.Л. О. Мандельштам. Гражданская лирика 1937 года. М., 1996.

Генис, А. Метаболизм поэзии. Мандельштам и органическая эстетика // Соч. В 3 тт. Екатеринбург, 2003. Т. 2. Расследования. С. 311–329.

Левин, Ю.И. Заметки о «крымско-эллинических» стихах О. Мандельштама // Мандельштам и античность: сб. ст. / под ред. О.А. Лекманова. М.: Мандельштамовское общество, 1995. С. 77–103.

Мандельштам, О.Э. Tristia. Берлин; Петербург: Петрополис, 1922.

Мандельштам, О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 тт. СПб.: Интернет-издание, 2020. Т. 1.

Мандельштам, О.Э. Полн. собр. соч. и писем. В 3 тт. СПб.: Интернет-издание, 2020. Т. 2.

Москвин, В.П. Стихотворение О. Мандельштама «За то, что я руки твои не сумел удержать...»: комментарии к темным местам // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2022. № 2. Т. 81. С. 27–47. DOI 10.31857/S160578800019456-7.

Поплавский, Б.Ю. Собр. соч. В 3 тт. М.: Книжница [и др.], 2009. Т. 1. Стихотворения.

Поплавский, Б.Ю. Собр. соч. В 3 тт. М.: Книжница [и др.], 2009. Т. 3. Статьи. Дневники. Письма.

Поплавский, Б.Ю. Дирижабль осатанел: Русский дада и «адские» поэмы. М.: Гилея, 2023.

Топоров, В.Н. Из истории петербургского аполлинизма: его золотые дни и его крушение. М.: ОГИ, 2004.

Фаустов, А.А. Игры воображения. Историческая семантика характера в русской литературе. Воронеж: ООО ИПЦ «Научная книга», 2013.

Фаустов, А.А. Этюд о художественной реальности Мандельштама: Время, фактура бытия и автогенез «пчелиного» текста // Филологические записки. Вып. 2. Воронеж, 1994. С. 71–83.

Хазан, В.И. Расстояние разлуки: Осип Мандельштам и литература русской эмиграции // Вопросы литературы. 2011. № 2. С. 363–387.

References

Adamovich, G.V. (1961). Neskol'ko slov o Mandel'shtame [A few words about Mandel'shtam]. *Vozdushnyye Puti* [Air Routes], 2, 87–101.

Bashlyar, G. (2004). *Izbrannoye: Poetika prostranstva* [Selected works: the poetics of space] (N.V. Kislova, G.V. Volkova, & M.Yu. Mikheyev, Trans.). Moscow: ROSSPEN.

Burmistrov, K. (2024). *V poiskakh Zefirei: zametki o kabbale i "taynykh naukakh" v russkoy*

kul'ture pervoy treti XX veka [In search of Zephyreia: notes on kabbalah and the “secret sciences” in russian culture in the first third of the 20th century]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.

Faustov, A.A. (1994). Etyud o khudozhestvennoy real'nosti Mandel'shtama: vremya, faktura bytiya i avtogenez “pchelinogo” teksta [An etude on Mandelstam's artistic reality: time, the texture of being and the autogenesis of the “bee” text]. *Filologicheskiye Zapiski* [Philological Notes], 2, 71–83.

Faustov, A.A. (2013). *Igry voobrazheniya. Istoricheskaya semantika kharaktera v russkoy literature* [Games of imagination. Historical semantics of character in Russian literature]. Voronezh: Nauchnaya kniga.

Gasparov, M.L. (1995). *Antichnost' v russkoy poezii nachala XX veka* [Antiquity in Russian Poetry in the early 20th Century]. Genova, Pisa: ECIG.

Gasparov, M.L. (1995). “Za to, chto ya ruki tvoi...” – stikhotvoreniye s otbroshennym klyuchom [“Because I Could Not Hold Your Hands...” – a poem with a discarded key]. In O.A. Lekmanov (Eds.), *Mandel'shtam i antichnost'* [Mandelstam and antiquity]. Moscow: Mandel'shtamovskoye obshchestvo, 104–115.

Gasparov, M.L. (1996). *O. Mandel'shtam. Grazhdanskaya lirika 1937 goda* [O. Mandelstam. Civil lyrics of 1937]. Moscow: RGGU.

Genis, A. (2003). *Metabolizm poezii. Mandel'shtam i organicheskaya estetika* [Metabolism of poetry. Mandelstam and organic aesthetics] (Vol. 2). Ekaterinburg: U-Faktoriya, 311–329.

Khazan, V.I. (2011). Rasstoyaniye razluki: Osip Mandel'shtam i literatura russkoy emigratsii [Distance of separation: Osip Mandelstam and the literature of Russian emigration]. *Voprosy Literaturny* [Issues of Literature], 2, 363–387.

Levin, Yu.I. (1995). Zametki o “krymsko-ellinskikh” stikhakh O. Mandel'shtama [Notes on the “crimean-hellenic” poems of O. Mandelstam]. In O.A. Lekmanov (Eds.), *Mandel'shtam i antichnost'* [Mandelstam and antiquity]. Moscow: Mandel'shtamovskoye obshchestvo, 77–103.

Mandel'shtam, O.E. (1922). *Tristia* [Tristia]. Berlin; Peterburg: Petropolis.

Mandel'shtam, O.E. (2020). *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem. V 3 tt.* [Complete works and letters in 3 vols.] (Vol. 1). Saint Petersburg: Internet-izdaniye.

Mandel'shtam, O.E. (2020). *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem. V 3 tt.* [Complete works and letters in 3 vols.] (Vol. 2). Saint Petersburg: Internet-izdaniye.

Moskvin, V.P. (2022). Stikhotvoreniye O. Mandel'shtama “Za to, chto ya ruki tvoi ne sumel uderzhat...”: kommentarii k temnym mestam [The poem by O. Mandelstam “Because I could not hold your hands...”: comments on dark places]. *Izvestiia Rossiiskoi Akademii*

Nauk. Seriya Literatury i Iazyka [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 2, 81, 27–47. DOI 10.31857/S160578800019456-7

Poplavskiy, B.Yu. (2009). *Sobraniye sochineniy. V 3 tt.* [Collected works in 3 vols.] (Vol. 1). Moscow: Knizhnitsa.

Poplavskiy, B.Yu. (2009). *Sobraniye sochineniy. V 3 tt.* [Collected works in 3 vols.] (Vol. 3). Moscow: Knizhnitsa.

Poplavskiy, B.Yu. (2023). *Dirizhabl' osatanel: Russkiy dada i "adskiye" poemy* [The airship has gone wild: Russian dada and "hellish" poems]. Moscow: Gileya.

Toporov, V.N. (2004). *Iz istorii peterburgskogo apollinizma: ego zolotyye dni i ego krusheniye* [From the history of St. Petersburg Apollinism: its golden years and its collapse]. Moscow: OGI.

Для цитирования: Высоцкая, М.И. Путешествие в «античность» в лирике Б. Поплавского и О. Мандельштама // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2025. Т. 10. № 1. С. 191–204. DOI: 10.18522/2415-8852-2025-1-191-204

For citation: Vysotskaya, M.I. (2025). Voyage to 'Antiquity' in lyrics of B. Poplavsky and O. Mandelstam. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 10 (1), 191–204. DOI: 10.18522/2415-8852-2025-1-191-204

VOYAGE TO “ANTIQUITY” IN THE LYRICS OF B. POPLAVSKY AND O. MANDELSTAM

Maria I. Vysotskaya, PhD Student at Voronezh State University (Voronezh, Russia); email: masha208889@gmail.com

Abstract. The subject of this research is the phenomenon of imaginary voyage in the lyrics of B. Poplavsky and O. Mandelstam. Some unique phenomena, realized at the level of poetic semantics in the lyrics of these authors, require in-depth study. Travel is a fairly frequent motif for Russian literature, which develops in prosaic and poetic texts. Literary travel as a separate phenomenon with its own structural and semantic features is diverse. The article examines the options for the realization of an imaginary voyage by the lyrical subjects of Poplavsky and Mandelstam. Despite the common routes dating back to the same cultural tradition, significant differences in the nature of the movement of lyrical subjects between realities are revealed. It is established that the journey into the unreal space has a real motivation in Mandelstam's texts, while Poplavsky's lyrical subject moves to another reality spontaneously, regardless of external circumstances. If Mandelstam's imaginary reality is homogeneous, Poplavsky's ancient space turns out to be heterogeneous, acting only as part of a wider reality. The differences found in the course of the study between imaginary voyages allow to characterize the state of the lyrical subject in the texts of the authors studied. The lyrical subject is driven by the desire to fit himself into a new reality, which actualizes the problem of self-identification. Poplavsky's lyrical subject constantly transforms when travelling, losing its correlation with reality, while Mandelstam's lyrical subject retains its connection with the author of the text.

Key words: B. Poplavsky, O. Mandelstam, imaginary voyage, antiquity, lyrical subject

